

«ТЕЙКСКАЛАН»

- Память,
что зовется
империей

- Пустошь,
что зовется
миром

Arkady Martine

**A DESOLATION
CALLED PEACE**

Аркади Мартин

ПУСТОШЬ,
ЧТО ЗОВЕТСЯ
МИРОМ

fanzon

Москва
2023

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

Arkady Martine
A DESOLATION CALLED PEACE

Copyright © 2021 by AnnaLinden Weller

Перевод *Г. Крылова*

Иллюстрация *Д. Устинова*

Дизайн *К. Гусарева*

Мартин, Аркади.

М29 Пустошь, что зовется миром / Аркади Мартин ; [перевод с английского Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2023. — 560 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ).

ISBN 978-5-04-172720-8

Инопланетная армада вторгается в космическое пространство империи Тейкскалаан. Чужие не выходят на связь, и их не получается уничтожить. В отчаянной попытке наладить отношения с таинственными агрессорами командующий имперским флотом вызывает дипломатов. Теперь Махит Дзмаре и Три Саргасс, все еще не оправившиеся от недавних потрясений в империи, сталкиваются с невыполнимой задачей — попытаться общаться с враждебным существом. Их провал гарантирует миллионы смертей в бесконечной войне.

Продолжение романа — лауреата премии Хьюго «Память, что зовется империей».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-172720-8

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2023

*Эта книга посвящается всем изгнанникам: релокантам, беженцам,
людям без гражданства; тем, кто был брошен, и тем, кто бросал;
тем, кто впал в отчаяние, и тем, кто обрел свободу.
(А также Станиславу Петрову, который знал,
когда воспротивиться приказу.¹)*

¹ Станислав Евграфович Петров (1939–2017) — советский офицер, предотвративший 26 сентября 1983 года потенциальную ядерную войну после ложного срабатывания системы предупреждения о ракетном нападении со стороны США.

Прежде всего, мир рухнул. Все правила поведения, привычные для инков, перестали существовать одновременно, будь то личные контакты (визуальные, вербальные и тактильные), питье или употребление пищи. Когда Сиквинчара впервые столкнулся с завоевателями, ему позволили делать то, что не мог ни один индеец, а теперь ситуация радикально изменилась. Поскольку больше не существовало никакого осмысленного контекста, который регулировал бы их взаимодействия, люди подвергались огромному риску. Атахуалпу могли убить или же отравить Сото и Хернандо...

Гонзоло Ламана. «По ту сторону экзотики и сходства: Различия и здравый смысл в ходе колониального контакта» в «Сравнительных исследованиях общества и истории», том 47, №1 (2005): 4-39

Разорение, бойня, узурпация власти под выдуманными титулами — вот что принято называть империей, а пустошь, которую они оставляют после себя, зовется миром.

Тацит (цитата из Калгака). «Агрикола» 30

ПРЕЛЮДИЯ

Мыслить. Не разговаривать. Не думать языком. Подумать «мы» — и не воспроизвести ни звука, ни крика для кристаллических глубин этого слова. Отказаться от звуков там, где они непригодны. Мыслить как личность, а не как голос, полный желания, как ослепленный жаждой оголодавший зверь, не как ребенок, не имеющий ничего, кроме себя самого и криков своего рта. Смотреть сквозь пространство из двух или трех колец одного из наших звездолетов и видеть каждый источник света, сердце каждой звезды. Увидеть образ, который создают в наших глазах эти звезды, отражая другой, запечатленный в памяти, во тьме старой планеты. Как сияли наши глаза в доме — в доме грязи и крови! Мы закрыли их и стали невидимыми, падальщиками тьмы, охотниками за тайнами! И теперь наши звездолеты сияют в домах — в домах войда¹ и света, а мы ускользаем прочь, словно закрывая глаза, и становимся невидимыми!

Мыслить как единая личность из поющего потока частиц по имени «мы» и видеть те места, которые мы еще не опустошили, еще не вскрыли в поисках тайн когтями, искусными, как скальпель хирурга.

Ах, эта другая жажда, жажда частиц «мы», которая никак не связана с телом. Жажда тянуться все дальше и дальше.

¹ В о й д (от *англ.* void — пустота) — обширные области, в которых отсутствуют или почти отсутствуют галактики и скопления планет.

Тело — это плоть, полная генов силы и дикости, плоть, полная генов терпимости и обнаружения закономерностей. Это любопытное тело, тело наблюдателя, хорошо подготовленное для астронавигации и геодезии, тело с когтями, пронизанными металлическими волокнами, которые позволяют исполнить свою песню не только частицам «мы», но и любому звездолету, к которому они прикасаются. Это тело почти не стало «мы», вместо этого оно чуть не стало мясом — но при этом оно «мы», является телом для превращения в мясо других тел, для сотворения и других тел из своего. Это тело наполнено инструментами, и его умелые руки лежат на спусковых крючках энергетических пушек звездолета.

Эти тела, поющие в потоке частиц «мы», поющие вместе о плоти тел, которые не есть «мы», но которые сотворили звездолеты и энергетические пушки, которые являются мясом и не могут петь! Тела, которые *мыслят языком*, кричат своими ртами и роняют воду из глаз, тела без когтей, но злобные в собственной жажде тянуться все дальше. Тела, уже изрядно вкусившие войда и очень близко подошедшие к гипервратам, за которыми находятся все наши дома крови, новые и старые.

Эти тела поют: умное мясо умирает, как любое другое, как умираем «мы», но оно не помнит, что знало это мертвое мясо. Поэтому мы доставили наши единоутробные тела на одну из их планет, не в дом крови, а в дом грязи, полный ресурсов для опустошения, и мы сделали их пригодными для использования — и мясо, и ресурсы.

Петь — удовлетворять жажду. Петь — понимать. Вот только...

Другое тело создает контрапункт, диссонанс. Это тело, любопытное тело, тело-наблюдатель, упрямое и контролирующее тело, которое ускользало прочь, пропадало из зоны видимости в том же секторе войда в течение стольких циклов, но все равно так и осталось любопытствующим. Именно оно поет в «мы», поет о нескольких умных телах, которые все-таки помнят то, что знало их мертвое мясо. Но не все из них знали одно и то же. Это не та же песнь, что у «мы».

Вообразите «мы» из фрагментов, «мы», которое не сбивается в стаю, помнит, но не может сохранить форму! Мы воспеваем жажду тянуться все дальше и дальше, стоит только представить эту раздробленность! А еще мы задаемся вопросом: «Что такое есть у этого умного мяса, чего нет у нас? Что это у них за разновидность пения, которую мы не можем услышать?»

И мы посылаем звездолеты кружить как можно ближе к ним. Настолько близко, чтобы можно было попробовать на вкус.

ГЛАВА

1

...ЗАПРЕТ ПРИОСТАНОВЛЕН — на срок до четырех месяцев, приостановка может быть продлена приказом Совета. Запрет на тейкскалаанский военный транспорт в зоне Станции приостановлен, все корабли, имеющие тейкскалаанский военный позывной, могут двигаться дальше через Анхамематские врата. Приостановка не является разрешением для тейкскалаанских кораблей, как военных, так и остальных, причаливать к Станции Лсел без получения предварительного пропуска, одобрения и прохождения таможенной очистки — ПРИОСТАНОВКА ОДОБРЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ШАХТЕРАМ (ДАРЦЕМ ТАРАЦЕМ) — повторяю...

Сообщение с высоким приоритетом для распространения на дипломатических, коммерческих и общих частотах в Секторе Бардзраванд 52-го дня 1 года в 1-й индикт¹ Императора Всего Тейкскалаана Девятнадцать Тесло

* * *

Ваше Великолепие, вы оставили мне весь мир, и все же я чувствую себя обделенной; я бы предпочла поменяться местами с вашим проклятым звездами бесноватым призраком, о Шесть Путь, лишь бы он научил меня не спать.

Личные записи Ее Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, без даты, заблокировано и зашифровано

¹ В Древнем Риме: период в пятнадцать лет (пятнадцатилетний период, в течение которого римляне три раза собирали дань с побежденных, а также учрежденный в Византии в IV веке цикл пятнадцатилетнего исчисления времени вместо прежнего четырехлетнего). Здесь продолжительность индикта другая — об этом говорится в одной из глав книги.

Девять Гибискус в третий раз просмотрела картографический цикл за последнюю неделю со всеми зарегистрированными изменениями, а потом выключила его. Без точек-звезд и подсвеченных аркообразных линий перемещения Флота стол стратегии на мостике «Грузика для колеса» представлял собой тускло-матовое пространство, замершее в нетерпеливом ожидании новой информации, — как и его капитан.

Однако ничего не поступало. Девять Гибискус могла и не смотреть на картограф — она помнила, как точки планет на столе мигнули в первый раз красным цветом бедствия, а потом сигнал пропал. Все почернело — планеты исчезли, словно их смыло приливом. Как бы густо ни были прочерчены на картографе линии наступающих тейкскалаанских кораблей, ни одна из них не продвинулась сквозь это черное безмолвие. «Мы боимся, — подумала Девять Гибискус не без мрачного предчувствия, — боимся увидеть, что там, за этой точкой».

Ее «Грузик для колеса» был вторым ближайшим кораблем к пространству без коммуникаций. Всего один корабль отправила она дальше, чем увезла бы своих людей. Это был гибридный разведывательно-боевой корабль, называвшийся «Девятое цветение острия ножа», почти невидимый осколок, выскользнувший из разверстой пасти ее флагманского корабля в безмолвную пустоту. Отправка этого корабля, скорее всего, стала первой ошибкой Девять Гибискус в качестве только что назначенного яотлека Ее Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, командира всех командиров Флота, в чьем подчинении находилось множество тейкскалаанских легионов. «Если Император назначил нового яотлека, жди войны, без одного нет другого» — Девять Гибискус впервые услышала эту старую поговорку, когда была кадетом. Сейчас она примерно раз в неделю думала, что этой прописной истине не нужны доказательства.

Недавно коронованная Девятнадцать Тесло отчаянно хотела развязать войну.

Поэтому теперь, находясь на передовой этой войны, Девять Гибискус надеялась, что отправка «Острия ножа» в конечном

счете не была ошибкой. Было бы хорошо избегать ошибок, не вызванных внешними обстоятельствами, с учетом того, насколько новым яотлеком она была. Было бы хорошо вообще избегать ошибок, но Девять Гибискус была офицером Шести Раскинутых Ладоней — Тейкскалаанской императорской армии, чьи руки тянутся во всех направлениях, — достаточно долго, чтобы понимать, что ошибки на войне неизбежны.

Пока «Острие ножа» двигался столь же тихо, как и мертвые планеты впереди него, и картограф вот уже четыре часа не производил никаких обновлений. Так что этот гамбит мог далее разыгрываться совершенно любым образом.

Она уперлась локтями в стол стратегии. Позднее в этих местах появятся жирные следы: мягкая, податливая плоть ее рук оставит отпечатки на матовой поверхности, и придется использовать очиститель экрана, чтобы их стереть. Но Девять Гибискус нравилось *прикасаться* к своему кораблю, чувствовать его даже в периоды, когда он просто ждал приказов. Чувствовать, даже на большом расстоянии от двигателя, гудение мощнейшей машины, для которой она служила мозгом — или по меньшей мере нервным узлом, центральной точкой. Капитана Флота можно было назвать фильтром всей поступающей на мостик информации — яотлек был значительно *больше* этого. Яотлек дотягивался дальше, у него было больше рук, которые можно протянуть во всех возможных направлениях. Больше *кораблей*.

Девять Гибискус потребуются все руки, что у нее есть. Ее Императорское Величество, судя по всему, хотела, чтобы война вонзилась зубами ее властвования в места еще более отдаленные, однако война, побеждать в которой она отправила Девять Гибискус, уже приобрела уродливые формы — уродливые и таинственные. Ядовитая волна омывает границы Тейкскалаана. Все началось со слухов, историй о пришельцах, которые безо всяких предостережений или требований наносили удар, уничтожали и исчезали, оставляя после себя обломки кораблей в войде — если от кораблей хоть что-то оставалось. Впрочем, что точно оставалось, так это полные ужаса истории о призраках в черном.

Все солдаты Флота выросли на подобных историях и передавали дальше новым кадетам. Эти слухи поползли внутрь Империи от соседей со станций Верашк-Талай и Лсел, периферии, не имевшей особого значения — по крайней мере до смерти старого императора, вечно-солнцеликого Шесть Путь, который, умирая, провозгласил, что все эти слухи правдивы.

После этого война стала неизбежной. Она началась бы так или иначе даже *до того*, как пять тейкскалаанских форпостов по другую сторону гиперврат в Парцравантлакском секторе стали безмолвными и глухими, как камни. А истории, полные ужаса, непременно поползли бы, раз им вообще было суждено ползти из черных пространств между звездами. Просто это могло бы произойти не так скоро.

Ее Великолепие Девятнадцать Тесло была императором уже два месяца, и практически половину этого времени Девять Гибискус была яотлеком этой войны.

Атмосфера вокруг ее мостика была одновременно и чрезмерно деловитой, и чрезмерно спокойной. За каждым пультом сидел офицер. Навигация, двигатель, оружие, средства связи — все вело к ней и стратегическому столу, основательной увеличенной версии голографического рабочего пространства, которое она могла оживить с помощью облачной привязки. Эта стеклометаллическая накладка на правом глазу связывала ее с глобальной сетью, базой данных и событий, благодаря которой империя существовала как единое целое — даже здесь, на краю тейкскалаанских владений.

Все на мостике были заняты. Каждый старался выглядеть так, будто ему есть чем заняться, кроме как ждать и задаваться вопросом, не застанет ли их врасплох сила, победить которую их отправили, и не сделает ли с ними то, что делали пришельцы, уничтожая планетарные системы коммуникаций, как пламя в вакууме. Они — Флот Шести Раскинутых Ладоней Тейкскалаана, они привыкли завоевывать, а не дожидаться неизбежного, замерев в томительной тишине на передовой. Шесть легионов кораблей подошли вплотную к опасности, но все еще оставались неподвижными.